

Дружинин Андрей Сергеевич, Поляков Олег Геннадиевич

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН)

Обучение грамматике английского языка на этапе экспликации опирается сегодня в большинстве своем на принципы логического и структурно-семантического анализа, что не всегда помогает учащимся понять сущность изучаемого явления и сделать его частью своего иноязычного опыта и мышления. В статье демонстрируется потенциал когнитивно-семантического анализа слова в практике обучения грамматическим единицам английского языка на примере так называемого согласования времен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 199-202. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 37.026.3

Обучение грамматике английского языка на этапе экспликации опирается сегодня в большинстве своем на принципы логического и структурно-семантического анализа, что не всегда помогает учащимся понять сущность изучаемого явления и сделать его частью своего иноязычного опыта и мышления. В статье демонстрируется потенциал когнитивно-семантического анализа слова в практике обучения грамматическим единицам английского языка на примере так называемого согласования времен.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-семантический анализ; обучение грамматике; согласование времен; глагол; языковое сознание.

Дружинин Андрей Сергеевич, к. филол. н.

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

andrey.druzhinin.89@mail.ru

Поляков Олег Геннадиевич, д. пед. н., профессор

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

olegpo@rambler.ru

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН)

Как известно, изучение грамматики на занятиях по иностранному языку невозможно представить без экспликации языковых явлений, когда ранее не знакомая грамматическая единица тем или иным способом доводится до сознания учащегося с целью ее дальнейшего употребления в речи. В большинстве случаев это приобретает форму правил и предписаний, диктующих законы или дающих инструкцию относительно корректного, грамотного использования грамматического явления. Стоит отметить, что подобный прескриптивный подход сформировал такое специфическое понимание сущности грамматики, как правильность, корректность или знание того, как правильно (*У него плохая грамматика*), совокупность норм и принципов чего-либо (*Грамматика семейных отношений*) [3]. Ассоциация грамматики с прескриптивностью также находит свое отражение и в названиях грамматических школ, исторически создававшихся в Западной Европе для изучения формально-строга латинского или греческого языка. Так или иначе, трудно не согласиться с тем, что в сознании большинства изучающих английский язык существует некоторое предубеждение против грамматики и ее восприятие как нечто запутанного, сложного, трудно объяснимого, формализованного, особенно когда процесс обучения касается глагольной системы.

В чем же причины такого нерадужного состояния современной системы обучения грамматике английского языка в ее объяснительном аспекте? Если проследить истоки и предпосылки общетеоретических оснований моделей интерпретации грамматического строя английского языка (а вернее, глагольных категорий), то можно обнаружить очевидное влияние латинистического формализма. Так называемая грамматика В. Лили и Дж. Колета, опубликованная в 1548 г., предлагала такое описание структуры английского языка, которое было построено по образу и подобию латинской грамматики римского риторика Доната [9, р. 18]. Решение Эдварда VI сделать эту работу авторитетным грамматическим справочником привело к тому, что книга в последующие столетия претерпела 350 изданий и оказала огромное влияние на традицию английской грамматической школы [ibidem]. По словам А. Майкла, большинство грамматик, опубликованных с тех пор, были скучными и похожими друг на друга, в них мало что менялось, к ним мало что добавлялось [10, р. 11]. Как отмечает У. Донс, тот факт, что некоторые некорректные суждения В. Лили повторялись и в конце среднеанглийского периода, свидетельствует об авторитете латинизма в английской грамматической традиции и о его некритичном восприятии грамматистами раннеанглийского периода [9, р. 93].

Все дальнейшие попытки систематизировать и определить временные формы английского глагола, предпринимавшиеся в лингвистической науке на протяжении XX в., как отмечает А. В. Кравченко, опирались на принципы не только семантического, но логического или даже математического анализа [5]. Схемы временных форм, предложенные Г. Райхенбахом, О. Есперсеном, У. Буллом, и их последующие пересказы и интерпретации в трудах отечественных и зарубежных лингвистов стали результатом того, что в сегодняшней школьной или университетской практике учащийся должен руководствоваться следующими критериями выбора или объяснения уже выбранной глагольной формы:

- 1) структурный (глагольные формы подразделяются на сложные (аналитические) и простые (синтетические) по способу структурного образования);
- 2) структурно-функциональный (использование тех или иных глагольных форм напрямую зависит от определенных слов и словосочетаний, так называемых указателей (например: *already, just, yet* строго ассоциируются с перфектными конструкциями, тогда как *now, at the moment* – с настоящим продолженным временем));

3) семантический (действия и ситуации, обозначаемые глагольными формами, характеризуются как длительные (продолжительные, долгие), точечные (короткие), прерывающиеся, развивающиеся, постоянные, повторяющиеся, законченные (совершенные, завершённые), последовательные, предшествующие и т.д.);

4) логический (действия, обозначаемые глагольной формой, анализируются с позиции своей логической характеристики: при употреблении перфектной формы, например, следует решить, связаны ли действия с моментом настоящего (прошлого, будущего) времени своим результатом, последствием или эффектом);

5) функционально-прагматический (случаи употребления глагольной формы могут быть продиктованы конкретной коммуникативной ситуацией и прагматическими намерениями говорящего, например: выражение вежливости *I was wondering* вместо *I wonder(ed)*; запрос инструкции *Where do I go?*; описание планов *I am leaving tonight* и т.д.).

Давать исчерпывающее критическое описание причин неэффективности традиционной системы экспликации категорий вида и времени английского языка не представляется разумным в рамках этой статьи. Стоит отметить лишь очевидные сложности методологического характера, с которыми сталкивается каждый учитель-практик в процессе обучения видовременным глагольным формам. Они возникают при несоответствии примеров речупотребления одних грамматических форм предлагаемым объяснениям других (противоречия логики), например: *She is still writing the letter* / *Она все еще пишет письмо* вместо **has been writing*, несмотря на то, что действие началось в прошлом и продолжается в настоящем.

Подобная немотивированность функциональных реалий изучаемых грамматических явлений непосредственными правилами их функционирования не только негативно сказывается на качестве освоения изучаемого материала, но и может привести к не всегда адекватному измерению иноязычной компетенции учащихся. Иными словами, учащийся, правильно вспомнив и применив усвоенное правило, но неправильно выбрав грамматическую форму, по весьма объективному мнению учителя, сделает языковую (и, возможно, коммуникативно значимую) ошибку, которая приведет к снижению оценки. Когнитивный подход к языку подразумевает применение таких методов анализа, которые помогают раскрыть семиотическую и затем функциональную сущность языковой реалии. В частности, приемы когнитивной семантики помогают ответить не только на вопрос, какая семантика у языковой формы, но и почему эта языковая форма имеет эту семантику, причем решение второго вопроса заключается в ориентации на человека как субъекта речи с учетом его знаний и чувственных ощущений, которые он пытается передать в каждом акте использования языковой формы.

Исходя из поставленной задачи – описать опыт, который движет человеком и его речением, – возможно преодолеть рассмотренные трудности и свести пресловутые правила и исключения английской грамматики к простому и интуитивно понятному описанию основного значения грамматической единицы. Это описание должно отражать содержание той когнитивной сферы говорящего, которую он хочет репрезентировать данной формой для осуществления адекватной ориентации во времени и пространстве. Именно так осуществляется процесс семантизации, в котором учащийся получает адекватное представление о том, как элемент иноязычной картины мира вкраплен в коммуникативный и социокультурный опыт его носителей, что впоследствии помогает успешно освоить этот элемент в рамках своей иноязычной компетенции.

Явление согласования времен – грамматическая тема, представляющая немало трудностей для изучающих английский язык. Это обусловлено и формальным подходом к его описанию, и непростыми для понимания терминами (например, «будущее в прошедшем»). Представляется, что когнитивный анализ семантики глагола *would* (подробнее о принципах анализа см., например, [1]), функционирующего в данном значении, раскрывает сущность согласования времен как явления специфического и в то же время универсального для двух языков – английского и русского.

При самом беглом обзоре словарных дефиниций глагола *would* выясняется, что это слово очень широко употребительно, а значит, может сочетаться с большим количеством других глаголов, помогая пользователю языка выразить тот или иной смысл более точно и адекватно. Это прослеживается в самом количестве словарных значений, выделяемых лексикографами (от 8 до 14). О чем это свидетельствует? Если, отвечая на поставленный вопрос, мы возьмем за точку отсчета формальный принцип объективного существования этих дефиниций как данность (они просто есть как правила, законы, инструкции), мы не сможем, к сожалению, сдвинуться дальше традиционного убеждения в том, что слова – это своеобразные дорожные знаки, правильную интерпретацию которых диктуют нам извне известные государственные органы. Если мы будем исходить из положения о том, что языком все-таки пользуются люди свободно как частью своего собственного накопленного жизненного опыта, то наверняка скажем, что эти дефиниции просто отражают то, как слово переосмысливается носителем того или иного языка (сколько смыслов в той или иной ситуации речи сам человек может создавать, используя это слово). При этом, чем обширнее словарная статья, тем шире спектр подобного переосмысления («полета человеческой мысли»). Однако стоит понимать, что само по себе переосмысление – это процесс вторичного созидания путем переноса понятий, что говорит о том, что есть некий условный смысл, который является первичным, непродуцируемым и представляет собой основу для всех семантических трансформаций. Как его определить? Достаточно взглянуть на те словарные значения слова, которые указаны в источниках первыми, в качестве приоритетных (т.е. именно данный смысл слова наиболее типичен и узнаваем в многообразии речевых ситуаций). В отношении глагола *would* лексикографы единодушно обозначают семантические признаки одновременно будущности и прошедшего времени. Например:

- 1) “use *would* when you are saying what someone believed, hoped, or expected to happen or be the case” [8];
- 2) “used to refer to future time from the point of view of the past” [7];
- 3) “used as the past form of will when reporting what sb has said or thought” [11].

Грубо говоря, то самое будущее сквозь призму прошедшего, кажется, и составляет основу непроизводного значения анализируемого слова. Глагол *will*, выражая признак субъективного волеизъявления, который помогает говорящему заглянуть в будущее и описать, смоделировать события впереди себя, употребляется в форме прошедшего времени, что означает, в свою очередь, заглядывание назад на основе памяти о свершившихся событиях. Иными словами, воспоминание о предстоящем.

Но что представляет собой такой двойной ментальный конструкт? Неужели пользователи русского языка, скажем, никогда не выстраивают в своем сознании подобного рода содержательный образ, в котором предстоящее мыслится в прошлом, т.е. рекурсивно? Отнюдь. Достаточно адекватно представить семантику английского слова средствами русского языка, как это часто бывает при сопоставлении лексических явлений, когда мы находим нужные параллели и убеждаемся в том, что обозначаемое тем или иным словом понятие нам как носителям русского языка тоже знакомо, просто оно описывается другими способами. Тем легче эти параллели искать, когда речь идет о грамматических явлениях, которые помогают пользователям языка описать по большей мере универсальные понятия и представления пространственно-временной ориентации.

Итак, выберем в качестве образца для моделирования смысла слово «приходить» и условно представим сочетание *would come* лексико-грамматическими средствами русского языка следующим образом:

would (come)	
прошедшее	будущее
~ БЫЛО	~ ПРИДЕТ

Несмотря на то, что сочетание «было придет» не является широко употребительным и привычным в нашей языковой картине мира, мы согласимся, что как носители русского языка мы достаточно хорошо понимаем, о чем идет речь в предложении: *Иван сказал, что было придет*. Добавляя «было» (с точки зрения частеречной классификации – частицу) к глаголу «придет», мы будто намеренно подчеркиваем смысл того, что планировавшееся тогда действие скорее всего не состоялось, т.е. это будущее верно только для той прошлой ситуации. Для настоящего же времени описываемое будущее событие не имеет никакой актуальности, в отличие от фразы *Иван сказал, что придет*, которая может трактоваться и в контексте непосредственного будущего, где Иван еще может к нам прийти. Выходит, что в данной ситуации мы фактически согласовываем предстоящее событие с прошедшим временем, поскольку чувствуем необходимость устранить возможную двусмысленность.

Справедливо, однако, будет отметить, что подобного рода согласование стилистически маркировано и нетипично для нашей языковой системы. Мы привыкли пользоваться формами будущего времени без дополнительных указателей на то, что это будущее рассматривается нами как часть прошлого, в котором намерения или планы могли и не состояться (ср.: *Наполеон надеялся, что выиграет войну*). В таких ситуациях мы чаще всего погружаемся в описываемое событие и ставим себя на место субъекта, для которого предстоящее событие представлялось как непосредственное будущее, как будто бы здесь и сейчас (*Я выигрываю войну*). Однако, если рассматривать не только будущие события, то можно заметить вариации в способах представления описываемой ситуации: *Иван сказал его не беспокоить, потому что он заканчивал/заканчивает статью*. Это свидетельствует о том, что говорящий по-разному видит и проецирует ситуацию: в первом случае более объективно, относительно себя в настоящем, во втором – относительно Ивана как наблюдателя.

Языковые привычки англоязычного социума сложились иначе: в аналогичных ситуациях они проявляют большую объективность, согласовывая описываемые действия и состояния с прошедшим временем, давая понять смысл их неактуальности для настоящего, а значит, и возможность их несостоявшейся реализации в прошлом (*He hoped he would win the war*). Более того, носители английского языка не привыкли идентифицировать фактор актуального восприятия действия «здесь и сейчас» там, где мы можем это сделать: *John told them not to disturb him because he was (he is) finishing his article*. Вероятно, это обусловлено стремлением устранить некоторую двусмысленность (*is* явно подразумевало бы, что он заканчивает статью в актуальном настоящем).

Так или иначе, именно данные склонности в языковом поведении носителей английского языка, некоторым образом совпадающие или не совпадающие с нашими привычками, иллюстрируют тот факт, что сам феномен воспоминания о предстоящем как часть концептосферы человека по сути является универсальным (по крайней мере, для двух языковых социокультурных сообществ). Такое комплексное моделирование ситуации, буквально мета-представление (образ в образе), конструирование в сознании событий (*Завтра была война*) иллюстрирует особое ментальное образование, содержательную сущность, позволяющую пользователям языка указать на специфическое восприятие/видение пространственно-временного окружения. Английский глагол *would* наиболее емко помогает описать данный смысл, а его высокочастотная употребительность свидетельствует о том, что пользователи английского языка привыкли к такой форме описания действий и событий.

Итак, в дидактических целях результаты когнитивно-семантического анализа глагола *would* и особенностей его функционирования при описании ситуаций в прошлом можно систематизировать в следующей вопросно-ответной форме:

Согласование времен. Что это? – Специфический выбор глагольных форм для описания прошлых ситуаций.

Почему он специфичен? – То, что мы описываем – ситуации в прошлом, – требует определенных усилий.

Что в этом сложного? – Это требует от нас как говорящих реконструкции уже состоявшихся событий, которые мы, подобно предметам, должны адекватно «расположить» в пространстве, чтобы правильно сориентировать в нем своего слушателя.

Как это делают носители английского языка? – Они представляют эти ситуации отдаленно, сейчас уже не воспринимаемые и не актуальные. Поэтому все должно иметь прошедшую форму, а если речь идет о предстоящих событиях в прошлом, то мы должны обозначить их с помощью *would*. Если при описании прошлой ситуации мы пользуемся настоящим или будущим (*will*), то даем понять, что действия доступны нашему восприятию здесь и сейчас.

Как это делают носители русского языка? – Мы мысленно начинаем присутствовать в описываемом событии (*Он сказал, что придет*), как будто воспринимая его сейчас. Вероятно, это обусловлено тем, что нам бывает сложно удерживать в памяти сразу несколько разноориентированных действий, и мы мысленно приближаем их к себе, чтобы лучше или эффективно расположить их в своем пространстве.

Стоит добавить, что употребление так называемого предпрошедшего *Past Perfect* в рамках данного грамматического явления (*He said he had come / Он сказал, что (уже, раньше) пришел*) объясняется не столько требованиями соблюдения логической и семантической относительности времени совершенных действий, а сколько тем же самым прагматическим фактором, который заключается в установке внимания слушателя на особую координационную деятельность его как наблюдателя, которую носители английского языка привыкли фиксировать при описании прошлых событий так же, как носители русского языка привыкли буквально «наблюдать» прошедшие действия в настоящем без формального согласования с прошедшим временем (примеры см. выше). Более подробно данные особенности употребления сочетания *had done* представляется целесообразным рассмотреть в рамках отдельной статьи.

Таким образом, результаты когнитивно-семантического анализа слова возможно применять в учебной практике для формирования более естественного понимания иноязычного грамматического явления в сознании учащихся. Признав то, что изучаемый объект не является искусственно выдуманной прескрипцией грамматистов, а представляет собой определенную языковую привычку как сложившуюся в англоязычной общности модель мышления в отдельно взятой коммуникативной ситуации, учащийся обнаружит, что в его картине мира также может наблюдаться данное языковое поведение в том или ином проявлении. Эта когнитивная опора подразумевает участие его в учебном процессе как полноценного субъекта познания, пытающегося освоить сложные иноязычные реалии и сделать их частью своего билингвального языкового сознания и мышления [2; 4; 6], а не просто набором автоматизированных предметных навыков, неосознанное овладение которыми зачастую приводит к формализации, скудности и ошибочности иноязычной речи.

Список источников

1. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб.: Книжный дом, 2008. 248 с.
2. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы соотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 95-101.
3. Грамматика [Электронный ресурс] // Популярный толково-энциклопедический словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk-enc/1461077.html> (дата обращения: 24.04.2017).
4. Дружинин А. С. Времена английского глагола: новый подход. М.: АСТ, 2017. 224 с.
5. Кравченко А. В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языкового значения: межвуз. сб. науч. тр. / Иркутский государственный лингвистический университет. Иркутск, 1997. С. 3-16.
6. Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 68-81.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 1856 p.
8. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. Glasgow: HarperCollins, 2014. 1968 p.
9. Dons U. Descriptive Adequacy of Early Modern English Grammars. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 304 p.
10. Michael I. More than Enough English Grammars // English Traditional Grammars / ed. by G. Leitner. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 11-26.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1952 p.

COGNITIVE SEMANTICS WHEN TEACHING ENGLISH GRAMMAR (BY THE EXAMPLE OF THE SEQUENCE OF TENSES)

Druzhinin Andrei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
andrey.druzhinin.89@mail.ru

Polyakov Oleg Gennadievich, Doctor in Pedagogy, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
olegpo@rambler.ru

Teaching English grammar at the explication stage nowadays is based mainly on the principles of logical and structural-semantic analysis, which often does not help students to understand the essence of the analyzed phenomenon and to integrate it in their foreign-language experience and thinking. The article shows the potential of cognitive-semantic analysis of the word for teaching English grammatical units by the example of the so called sequence of tenses.

Key words and phrases: cognitive-semantic analysis; teaching grammar; sequence of tenses; verb; linguistic consciousness.